

Чат трансляции мгновенно взорвался.

[У меня мурашки по коже, это так страшно]

[Так это тема школьного ужаса?]

[Группа В вышла на сцену целиком?? Три группы, десять человек, как они все уместились?]

[Стили такие разные, позиции повторяются, они не будут мешать друг другу?]

[Неужели опять набьют сцену, чтобы спеть песни Цинь Июня?]

[Но этот хор был потрясающим!]

[Не очень впечатляет, больше шумихи, чем содержания]

[Вижу некоторых людей и уже не хочу смотреть]

...

Вернувшись в зал для зрителей, Ни Чи уставился на большой экран и вдруг осознал другой эффект, который приносит трансляция. Он уже несколько раз видел репетиции группы В и знал их тему. Теперь, глядя на эти комментарии, разве это не похоже на другую форму травли?

Свет на сцене мигал трижды в такт ударным, с потолка опустились четыре прямоугольных луча синего света, очертив квадрат вокруг Цинь Июня в центре.

Ритм ударных замедлился, звуки электрогитары и синтезатора создавали нарастающее чувство тревоги, а бас-гитара, как призрак, все еще скрывалась в тени.

Верхний свет осветил красивое лицо Цинь Июня. Впервые на этом лице не было беззаботной улыбки, ни капли гордости или безумия, он выглядел покорным, словно другой человек.

Он стоял перед микрофоном, руки по швам, на экране позади него были написаны от руки слова песни. Левый крупный план показывал его лицо, в темных зрачках не было жизни, только недоумение.

[Внимательно смотрю на человека на фото]

Неужели я воскрес из мертвых?]

В этот момент все остальные музыканты снова запели хором, слова песни плыли над головами зрителей на экране.

[«Не говорите ему.»]

Недоумение углубилось, Цинь Июнь слегка наклонил голову.

[Что убило меня?]

Ритм ударных внезапно ускорился, электрогитара взорвалась гудением, создавая сильное давление.

[«Быстрее! Быстрее, поймайте его!«]

Кто-то в зале вскрикнул.

«Слова бэк-вокала – это слова из песни 'Потерянный платок'!»

Сюй Янь остановила руку с медиатором и произнесла в микрофон: «Тсс-».

Музыка резко остановилась на самом пике, сердца всех замерли, в двухсекундной тишине биение сердца стало таким громким, бешено стуча в груди.

Тук-тук-

Очень тяжелый удар барабана прозвучал внезапно, музыка снова появилась, все инструменты одновременно взорвались, как сто птиц, поющих вместе, как тысяча зверей, рычащих в унисон.

Свет мигал в такт ударным, сопровождая музыкальную оргию.

«Черт, эта аранжировка просто взрывная.»

«Ли Гуй, ты что, по моему черепу стучишь?»

А гроулинг Цинь Июня даже прорвался сквозь эту взрывную аранжировку, сквозь пронзительный вой электрогитары.

[Что убило меня!!!]

Мертвая душа прыгнула в ад, рыча в ярости.

Зрители в зале были ошеломлены внезапным гроулингом Цинь Июня, только смотрели на человека на сцене в оцепенении.

Звуковые волны ударили по всему телу, как ураган, сметающий все на своем пути, оставляя только уши, слушающие музыку, и сердце.

Свет на сцене загорелся, заполнив все кроваво-красным цветом.

Цинь Июнь все еще находился в квадрате света, поднял руку и взялся за стойку микрофона. Только тогда все заметили, что на его большом пальце левой руки была обмотана белая нить.

В этот момент гроулинг плавно перешел в чистый вокал.

Он закрыл глаза, нахмурился, рассказывая обо всех травмах.

[Шаги, преследующие меня сзади]

Нань И тоже был освещен верхним светом.

Его красная рубашка почти сливалась со всей сценой, серебристая бас-гитара больше походила на лезвие, сверкающее холодным светом, на правом запястье была цепочка, похожая на наручники. На шее висел красный медиатор, как маленькое внешнее сердце.

Его лицо было холодным, он слегка поднял голову, полуопущенные глаза смотрели на людей в зале, и он начал дуэт после Цинь Июня.

Его голос был еще холоднее, чем выражение лица.

(«Почему ты убегаешь?»)

Слова их песен разделились, первые были белыми, написанными на экране позади, а вторые – кроваво-красными, как будто нарисованными краской на потолке над головами зрителей.

Крупные планы на двух экранах показывали два совершенно разных лица.

Возможно, из-за незаживших травм глаза Нань И все еще были красными, без макияжа, нижние веки тоже красные, светлые зрачки под верхним светом казались почти прозрачными, тени от ресниц мерцали. Все его лицо излучало сильную, болезненную не человечность.

[Шрамы от сигарет на руке]/(«Мы же ничего тебе не сделаем.»)

[Его язык определяет радиус моего общения]/(«Ты все еще с ним дружишь?»)

[Мой череп знаком с узором на его подошве]/(«Ты похож на муравья.»)

Только тогда зрители в зале начали понимать.

«Боже...»

«Цинь Июнь поет о переживании жертвы, а Нань И – слова обидчиков...»

Свет погас, оставив только Цинь Июня одного, ритм ударных изменился.

Он открыл глаза, уголки губ изогнулись в улыбке.

[Кто убил меня

Я воскресну в чьих-то снах]

В зале было пять тысяч зрителей, многие из них были фанатами других групп, а многие с самого начала были предвзяты к группе В, к «Вечному моменту».

Никакие негативные слухи нельзя полностью опровергнуть, даже с доказательствами, грязь трудно смыть, всегда будут те, кто видит только то, что хочет видеть, и отрицает то, что не принимает.

Может, это все было просто пиар?

Эти группы тоже получили свою долю популярности, верно?

Слишком много театральности, как они могут серьезно заниматься музыкой?

Кто-то пришел в концерт-клуб с настроением посмотреть шоу, чтобы увидеть, насколько плохим будет выступление этой группы, набитой людьми; кто-то с тревогой и беспокойством молился, чтобы их любимая группа смогла выступить стабильно под таким давлением.

Почти никто не думал, что они точно добьются успеха.

Именно поэтому шок был таким сильным.

«Боже, у меня мурашки по коже...»

«Эта песня не похожа ни на одну из песен этих трех групп!»

«Это просто гениально...»

Первый припев закончился, начался проигрыш, Цинь Июнь снял микрофон и повернулся, и только тогда все заметили, что на его черной одежде сзади были наклеены листочки бумаги, крупный план показал его спину.

На бумаге были написаны слова травли, которые вот-вот упадут, каждый узнавал их, это были фразы, которые они слышали в школьные годы.

На экране позади снова появилось «посмертное фото» Сяо Мина, Цинь Июнь медленно шел к нему, повернувшись спиной к залу.

По мере его движения белая нить, обмотанная вокруг его большого пальца, тоже тянулась, и все наконец заметили, что другой конец нити был обмотан вокруг браслета Нань И.

В конце концов, Цинь Июнь остановился на краю синего квадрата света, поднял голову и посмотрел на фото.

[Внимательно смотрю на человека на фото

Неужели я воскрес из мертвых?]

На экране появилась нога в кроссовках, которая пнула фото, деревянная рамка покатила, пока не достигла потолка над зрителями, вращаясь, и в конце концов превратилась в банку.

Музыканты запели очень тихо и слабо.

[«Жизнерадостные палачи»]

[«Одинокий мясной консерв»]

Банка на потолке внезапно взорвалась, весь экран заполнился красными буквами, «Мамамими1», это были слова травли.

Цинь Июнь повернулся.

[Что убило меня?]

После «тсс» Сюй Янь на этот раз Цинь Июнь сам поднес палец к губам.

Следующий взрыв был не только от музыки и его гроулинга.

Каждый человек в зале, каждое лицо, спонтанно закричало, как бесчисленные души жертв, одновременно задавая вопрос.

«Что убило меня-»

Эти слова тоже заполнили весь экран позади, кроваво-красные, яркие, повторяющиеся.

Музыка в этот момент стала носителем эмоций, каждая душа, подвергшаяся угнетению, соединилась с другими, став единым целым. Недоумение, обида, стыд, гнев... Боль, подавляемая всю юность, внезапно пробудилась и выплеснулась наружу под звуки музыки, похожей на ливень.

Все вдруг поняли, что мы все – «Сяо Мин».

Какая часть меня была убита?

И кто был убийцей?

В более интенсивной аранжировке припев повторился, ответ был жестоко прямолинеен.

На сцене и в зале все были настолько взволнованы, что пытались выкрикивать свои израненные сердца, единственным спокойным оставался Нань И.

Он играл на бас-гитаре, его красные глаза выражали презрение и равнодушие, как и его партия, как настоящие обидчики.

Такое холодное и красивое лицо идеально подходило для демонстрации роскошной «злой» маски. Однако никто не знал, что каждое слово боли было написано им и пережито им.

[Недоразвитое тело – образец для унижений]/(«Улыбайся, смотри в камеру!»)

[Снять мокрую рубашку – это не жестокость]/(«Не бойся, ты голый.»)

[Каждый равнодушный взгляд в коридоре]/(«Тебе не нравится с нами играть?»)

[Взрослые, маскирующие убийство под игру]/(«Не нравится – тогда умри.»)

Жертва страдает, истерит. Обидчик спокоен, равнодушен.

Крупные планы двух лиц, одно горячее, другое холодное, одно кричит, другое безучастно. Два крайних полюса, лед и пламя, уже стали негласной особенностью выступлений «Вечного момента».

В центре сцены, в квадрате света, внезапно поднялся сухой лед, сопровождаемый внезапно опустившимся кроваво-красным светом, как будто кровавый туман поглотил Цинь Юня, запертого внутри.

Кровавый туман поднимался вверх, постепенно поглощая его лицо. Он внезапно перекусил белую нить, обмотанную вокруг его большого пальца, и запел следующую строку, наконец выйдя из квадрата.

[Кто убил меня

Я...]

Он не допел, но тысячи зрителей в зале инстинктивно закончили фразу.

«...воскресну в чьих-то снах-»

В мгновение ока свет на сцене погас, музыка резко прекратилась.

Весь концерт-клуб погрузился в мертвую тишину, все зрители будто были схвачены за волосы и внезапно опущены в воду, все звуки исчезли, ничего не было видно.

До следующего момента, когда в темноте загорелись зеленые светящиеся точки, очерчивая форму пипы, и затем звуки пипы внезапно появились, как разбитый нефрит, пронзительные,

ускоряющиеся, усиливающиеся, с аурой убийства и призрачности.

«Это пипа Ли Инь!»

«Здесь действительно есть элементы народной музыки!»

Вскоре появились ударные, но это были не барабаны, звук был низким, громким, каждый удар сопровождался мощным эхом, как гром.

Зеленый контровой свет загорелся, освещая сцену слева направо, и все заметили, что на сцене неожиданно появился красный барабан диаметром в метр, а за ним, яростно бьющий по поверхности, стоял Чжиян.

В его руках были палочки, обмотанные красным шелком, белые волосы светились в контровом свете.

«Это китайский барабан!»

«Боже, вместе с пипой это просто убийственно!»

«Чжиян сошел с ума! Белые волосы здесь выглядят так, будто он посидел за одну ночь!»

Он использовал все свои силы, яростно ударяя по барабану. Каждый тяжелый удар, казалось, был наполнен обидой и несправедливостью, через динамики, как ураган, обрушиваясь на зрителей.

Но это было только начало инструментального проигрыша.

Пипа Минь Миня и искаженный синтезатор Янь Цзи переплелись, медитация и призрачность слились воедино, электрогитара А Сюня плакала и стонала, бас-гитара Суй-Суй унаследовала характерный для Нань И сбивчивый и неуловимый ритм, словно тяжелые и странные шаги воскресшего человека.

Среди них внезапно раздался резкий металлический звук, похожий на треугольник, но более острый и четкий.

Вскоре Цинь Июнь вышел из красного тумана, зеленый свет осветил то, что он держал в руках – это были линейка и ручка. Он держал две вещи, необходимые в школьные годы, и ударял ими по микрофону, раз за разом.

Барабан бил все быстрее, пипа звучала все интенсивнее, аранжировка, смешивающая фольклор и рок, довела чувства всех до предела. Зрители были ошеломлены этой жуткой и изысканной композицией, прикрывали рты, широко раскрывали глаза, их мозг был пуст, словно что-то проникло через уши в грудь, вызывая безумный резонанс.

Каждая часть была неожиданной, и на данный момент, казалось, больше не будет более сильного удара.

Но в следующую секунду появился невероятно яркий звук, высокий и громкий, как золотой меч, пронзающий звуковую стену, подавляя все инструменты на сцене.

На экране снова появилось посмертное фото Сяо Мина, но на этот раз черно-белое изображение было помещено на черный алтарь, по бокам – цветные венки, а перед ним на коленях стояли две темные фигуры пожилых людей.

«Это похороны Сяо Мина...»

Сцена была освещена зеленым светом, из тумана вышел кроваво-красный силуэт, волосы собраны в полу распущенный пучок, глаза закрыты черной повязкой, концы которой развевались на ветру, серебряная бас-гитара все еще висела на нем, но в руках он держал золотую суону².

«Боже мой!!! Суона с закрытыми глазами!!»

«Это просто взрыв... Как другие группы могут соревноваться с этим...»

«Нань И действительно умеет все...»

Как только зазвучала суона, на потолке над зрителями появился лист бумаги, без ручки, без руки, детские аккуратные буквы, как живые, появлялись одна за другой.

Пока не появилась фраза «Я не хочу больше так жить», зрители, поднявшие головы, наконец поняли, что это предсмертная записка.

Пронзительная суона захватила весь зал, став лидером, ведущим все инструменты в жутком шествии сотни призраков.

В этот момент сверху упал свет, и Сюй Янь в зеленом платье, стоя перед микрофоном, начала читать буддийские мантры.

На лбу у нее была красная точка, глаза опущены, выражение лица милосердное, она подняла руку к груди, ладонью наружу, показывая «мудру бесстрашия».

Светящиеся золотом буддийские мантры, как дождь, лились на экран позади, но они удерживали пару безутешных родителей.

«Боже мой... Это что, заупокойная служба?»

«Это мантра для усопших! Это легендарная кибер-заупокойная служба...»

Суона, буддийские мантры, пипа, барабан, электрогитара, бас-гитара, клавиши, ударные... Все музыканты, каждый из них, отдавали все силы, бесчисленные репетиции, бессонные ночи, бесконечные правки, аранжировки, и теперь, вместе, они представили эту горькую песню скорби.

Помимо музыки, снова появился бэк-вокал, повторяющий одну и ту же фразу.

[Почему ты убегаешь?]

[Почему ты убегаешь...]

Зрители в зале тоже поддались этому гипнозу, повторяя те же слова, громко и мощно, эхом разносившимся в темном пространстве. Неосознанно они превратились в тысячи обидчиков, противостоящих буддийским мантрам.

Зеленый свет на сцене мигал с бешеной скоростью, а Цинь Июнь, вышедший из квадрата, бросил линейку и ручку, снял одежду и шаг за шагом пошел к краю сцены, повернувшись спиной к зрителям, раскинув руки.

«Он собирается прыгнуть в толпу?»

«Он прыгнул!!»

«Прыжок в толпу» – это обычное явление на рок-концертах, когда музыканты в порыве эмоций взаимодействуют с фанатами. Но в этот момент, в этом больше похожем на ритуал и заупокойную службу представлении, Цинь Июнь больше не был музыкантом, он был тем умершим ребенком, упавшим в толпу.

Он действительно «умер».

В наушниках раздались крики персонала.

[Этого не было в репетициях!]

[Охрана, внимание!]

Цинь Июнь закрыл глаза, его подхватили руки, передавая назад, в то время как с потолка сыпались желтые листы бумаги, зеленый алтарь, кроваво-красная рубашка, темная толпа... Даже сами зрители стали частью визуального эффекта, все неконтролируемое в концерт-клубе вместе завершило кульминацию этого ритуала поминовения.

Кто-то поднял желтый лист и при тусклом свете внимательно рассмотрел его, ожидая увидеть злые слова или проклятия. Но, разглядев написанное от руки, они были шокированы – там было написано «Ты лучший», «Ты получишь любовь и свободу», «Не бойся»...

Нань И опустил суону, снял черную повязку с глаз, взял микрофон и вместе с Цинь Июнем, лежащим в толпе, запел бридж.

[Все рты изрыгают яд

Все дороги ведут к смерти

Тонны учебников давят на позвоночник

Но не учат детей избегать боли]

На потолке, в конце предсмертной записки, были имена, которые должны быть запомнены, но они были очень размыты.

Они когда-то окружили этого ребенка, смеясь и спрашивая: «Почему ты убегаешь?»

А в конце бриджа были такие строки:

[Какая польза от списка имен в предсмертной записке?

Каждое имя – это живой кошмар]

В мерцающем свете сцена снова погрузилась во тьму, слабый золотой свет падал на клубящийся туман, и все, что происходило, казалось, мгновенно исчезло.

Только буддийские мантры Сюй Янь и пипа Минь Миня продолжали звучать, распространяясь.

К концу мантры ее голос тоже потерял спокойствие, в нем появились нотки плача. На экране

камера приблизилась к дрожащим плечам матери, затем к ее губам, шепчущим мантру.

«Мать Сяо Мина читает мантру для усопших...»

Цинь Июнь, спрыгнув с рук толпы, был окружен людьми, полными любви и ненависти. Эти люди отчаянно протягивали руки, некоторые пытались остановить его, некоторые – остановить под видом «любви».

Он шаг за шагом, с трудом пробивался сквозь толпу, возвращаясь на сцену, к мальчику, который смотрел на него.

Он мог бы просто шагнуть на сцену, но вместо этого протянул руку, ожидая, что тот вытащит его из этого моря страданий.

В момент, когда их руки соприкоснулись, все звуки исчезли, тьма вернулась, жуткая композиция закончилась, как сон.

Зазвучало пианино, белый свет зажег каждую часть сцены, звуки гитары стали яркими, ритм ударных замедлился, на экране снова появилась красивая школа.

[Снова солнечное утро

Время вернуться в башню из слоновой кости]

Цинь Июнь снова оказался в квадрате света, похожем на гроб, руки опущены, снова безжизненный.

Другой луч света упал на Нань И.

Он поднял руку, длинная черная повязка выскользнула из его пальцев, как жизнь, исчезающая без следа.

Когда свет зажегся полностью, он увидел в толпе знакомое лицо – это был другой главный герой этой истории, жестокий обидчик.

Как смешно, она не испытывала ни капли раскаяния за смерть Сюй Юя, даже будучи упомянутой в предсмертной записке, она не появилась перед его родителями ни на секунду.

Но теперь, из-за восхищения другим жертвой травли, она пришла сюда и стоя смотрела весь спектакль, который он поставил.

Глядя на лицо Цзян Тянь, Нань И мысленно сказал Сюй Юю: Смотри, она тоже пришла на твои похороны.

Она больше не может улыбаться.

И Нань И улыбнулся, нежным голосом пропев финальную часть этой бесконечной истории.

[Игра в «Потерянный платок» продолжается

Высоко подняли, мягко опустили]

Музыканты тоже запели хором.

[«Это ты? Оглянись.»]

Разные голоса, вместе с мелькающими на экране детскими лицами, словно действительно играли в «Потерянный платок». Каждое лицо улыбалось, каждые глаза смотрели на зрителей.

Как будто намекая: платок у тебя за спиной.

В конце экран остановился на лице без черт, или, скорее, лице, на которое можно наложить любые черты.

А Цинь Июнь на сцене достал из кармана тот самый комок бумаги, который бросили в него в начале. Развернул его и поднес к своему лицу. Крупный план показал все – красивое улыбающееся лицо и уродливые слова, явно демонстрируя их каждому в зале, каждому зрителю трансляции.

[«Цинь Июнь, почему ты не умрешь!»]

Он держал эту записку и улыбался, пропев последние строки песни.

[Кто забыл убийцу

Я вселюсь в него]

Заметки от автора:

[Пожалуйста, не упоминайте неподготовленные производные работы, а также не упоминайте актеров озвучивания из реальной жизни, это может повлиять на впечатления других читателей и создать негативное впечатление о самих актерах. Большое спасибо.]

«Воскрешение»

Текст: Нань И / Цинь Июнь

Музыка: Вся группа В

Аранжировка: Вся группа В

Снова солнечное утро

Время вернуться в башню из слоновой кости

Он, как всегда, молчит

Игра в «Потерянный платок» утомляет

Войдя в яркий класс

Он увидел цветы на столе

Черно-белое фото Белые свечи капают

[«В память о Сяо Мине,

Ты всегда будешь нашим другом!»]

Внимательно смотрю на человека на фото

Неужели я воскрес из мертвых?

(«Не говорите ему»)

Что убило меня?

(«Быстрее! Быстрее, поймайте его!»)

Тсс-

Что убило меня!

Шаги, преследующие меня сзади («Почему ты убегаешь?»)

Шрамы от сигарет на руке («Мы же ничего тебе не сделаем.»)

Его язык определяет радиус моего общения («Ты все еще с ним дружишь?»)

Мой череп знаком с узором на его подошве («Ты похож на муравья.»)

Кто убил меня

Я воскресну в чьих-то снах

Внимательно смотрю на человека на фото

Неужели я воскрес из мертвых?

(Жизнерадостные палачи)

Что убило меня?

(Одинокий мясной консерв)

Тсс-

Что убило меня!

Недоразвитое тело - образец для унижений («Улыбайся, смотри в камеру!»)

Снять мокрую рубашку - это не жестокость («Не бойся, ты голый.»)

Каждый равнодушный взгляд в коридоре («Тебе не нравится с нами играть?»)

Взрослые, маскирующие убийство под игру («Не нравится - тогда умри.»)

Кто убил меня

Я...

(Почему ты убегаешь)

(Почему ты убегаешь)

(Почему ты убегаешь)

Все рты изрыгают яд

Все дороги ведут к смерти

Тонны учебников давят на позвоночник

Но не учат детей избегать боли

Какая польза от списка имен в предсмертной записке?

Каждое имя - это живой кошмар

Снова солнечное утро

Время вернуться в башню из слоновой кости

Игра в «Потерянный платок» продолжается

Высоко подняли, мягко опустили

«Это ты? Оглянись.»

Кто забыл убийцу

Я вселюсь в него

«Мамамими1» - это китайское выражение, которое описывает что-то очень плотное, густое или тесное, например, множество мелких деталей, объектов или текста, расположенных близко друг к другу. В данном контексте это означает, что экран был полностью заполнен красными буквами, которые были написаны очень плотно и в большом количестве.

Суона2 (笙) - это традиционный китайский духовой музыкальный инструмент, разновидность гобоя. Он имеет яркий, пронзительный звук и часто используется в народной музыке, а также на традиционных праздниках, свадьбах и похоронах. Инструмент известен своей выразительностью и способностью передавать широкий спектр эмоций.

<http://bllate.org/book/14694/1313193>